

Год пролетел, словно во сне. Под руководством Фэн Хао Линь Лан преобразился из грубого уличного хулигана в заметную фигуру в преступном мире.

Его известность росла, и окружающие начали обращаться к нему с искренним уважением — «Лан-гэ».

Чем дальше Линь Лан следовал за Фэн Хао, тем больше он увлекался им, не только силой мужчины, но и каждым его движением.

Его восхищение переросло в нечто навязчивое; его язык, острый от природы, часто сглаживался, когда он обращался к Фэн Хао.

— Мастер Фэн, ты сегодня держал их в руках. Ни одного движения, но они чуть не описались от страха. Ты был ослепителен, — прошептал Линь Лан, искусно массируя плечи Фэн Хао.

До прихода Линь Лана Фэн Хао никогда не позволял никому прикасаться к себе. Он предпочитал холодную, механическую точность массажного кресла. Но с тех пор как Линь Лан появился в его жизни, кресло оставалось нетронутым.

Когда Фэн Хао впервые заставил Линь Лана сделать ему массаж в переполненном зале, к тому же, другие были в шоке.

Линь Лан, не подозревая, лишь много позже понял, что это был преднамеренный ход власти. С тех пор никто не осмеливался игнорировать нового избранника Фэн Хао.

Фэн Хао сидел с закрытыми глазами, безмолвно позволяя Линь Лану болтать за спиной. Близкие к Фэн Хао хорошо знали, как он ненавидит треп и лесть, но вот тут был Линь Лан — разговорчивый, драматичный, но все равно он оставался.

— Мастер Фэн, — спросил Линь Лан между комплиментами, — как ты овладел этим смертоносным спокойствием? Научи меня.

Уголки губ Фэн Хао дернулись.

— Умереть нужно всего один раз, — ровным голосом сказал он.

Линь Лан замер, ошеломленный. Он не совсем понял смысл, но это оставило его странно взволнованным.

Чувствуя, что Фэн Хао дремлет, Линь Лан нежно предложил:

— Мастер, почему бы тебе не лечь? Я продолжу наверху.

Фэн Хао кивнул, встал без слов. В своей комнате он небрежно снял рубашку, открыв свою стройную, рельефную спину. Его телосложение, которое невозможно было разглядеть под одеждой, вызывало зависть даже у других мужчин.

Фэн Хао лег лицом вниз, а Линь Лан сел ему на бедра, возобновив массаж.

Несмотря на то, что они жили вместе, Линь Лан никогда не видел Фэн Хао нагим. Он даже никогда не ловил его в пижаме, казалось, он спал в идеально отглаженном костюме. Мужчина всегда был «застегнут» буквально и фигурально.

В последнее время Фэн Хао начал отдаляться, избегая даже случайных прикосновений под предлогом заботы о здоровье Линь Лана. Линь Лан, уже взбудораженный желанием, теперь кипел от неудовлетворенного напряжения.

Его рука скользнула вниз по позвоночнику Фэн Хао, остановившись чуть выше поясницы, когда его запястье внезапно схватили.

Прежде чем он успел среагировать, Фэн Хао в мгновение ока перевернул его. В один миг он был сверху, а в следующий — придавлен.

Испуганный, Линь Лан инстинктивно начал бороться. Но затем Фэн Хао прошептал:

— Линь.

При звуке своего имени его сопротивление сломилось. Руки безвольно повисли по бокам, тело сдалось без единого слова.

Фэн Хао уткнулся носом ему в шею, его голос был тихим и ласковым. Сбежав от своего давнего врага, Фэн Хао немедленно отправился на поиски оставшихся сирот. Его ждало лишь разочарование: никто не помнил их имен.

Им всем была дана одинаковая фамилия: Линь. Это все, что враг оставил ему.

Брови Линь Лана нахмурились от мучительных ощущений. Ему ненавистно было то, как легко он поддавался, но в то же время обожал человека, который брал над ним контроль. Он бы отдал жизнь за одно слово Фэн Хао. Предложить свое тело было еще меньшей мерой.

Их интимные моменты на съемочной площадке никогда не были нежными — это было доминирование и обладание, грубое и поглощающее. Даже их последняя встреча на острове чуть не сломила Фэн Хао. И все же сейчас, в этот тихий момент, он дарил Линь Лану ту

нежность, которую никогда не позволял себе прежде.

Пальцы Фэн Хао коснулись лба любимого, разглаживая глубокую морщину.

Линь Лан медленно открыл глаза. Взгляд Фэн Хао был таким глубоким, какого он раньше не замечал. Впервые он увидел настоящие эмоции за этой холодной маской.

— Мастер Фэн... — прошептал он.

Но Фэн Хао заставил его замолчать поцелуем. Через мгновение он отстранился и тихо произнес:

— Зови меня Хао-гэ.

— ... Хао-гэ? — Линь Лан моргнул.

Фэн Хао застыл, словно пораженный молнией. Затем, не говоря ни слова, его губы снова опустились, яростные и жадные. Линь Лан застонал, протестуя и испытывая удовольствие.

— Стоп! — резко пререзал сцену голос режиссера.

Линь Лан моргнул, вернувшись на съемочную площадку.

— Ты не можешь так играть! — осудил режиссер. — Ты играешь гетеросексуала в этой сцене. Да, я знаю, что актерам-геям сложно играть гетеро...

Воздух застыл. Персонал напрягся. Режиссер же по-прежнему не обращал на это внимания.

— Ты не проявляешь желания, ты проявляешь преданность. Не жажду. Преданность! Понимаешь?

Все подавили смех. Линь Лан держался за лицо, словно борясь с мигренью.

Фэн Хао усмехнулся из-за толпы. Линь Лан метнул на него ядовитый взгляд.

Съемки возобновились. Линь Лан, решив не доставлять Фэн Хао удовольствия, лежал безжизненно, сдержанно. Сцена превратилась в его сольное выступление.

Во время поцелуя Фэн Хао шепнул:

— Перестань дуться и веди себя профессионально.

Линь Лан чуть не ударил его коленом. Но, оказавшись в ловушке, он ничего не мог сделать. Он винил в этом любительский состав, который снизил его уровень.

Но карма пришла быстро.

В этой сцене не было реплик. Режиссер не собирался останавливать съемку. Линь Лан должен был лежать, как труп, пока Фэн Хао продолжал свою неустанную игру.

Наконец, режиссер остановил съемку.

— Слишком пассивно. Тебе нужно больше вовлекаться. Участие — это ключ к успеху, верно?

Линь Лан пробормотал:

— В следующий раз я сниму с одного дубля.

Фэн Хао хмыкнул.

— Ты всегда так говоришь. Но вот мы и здесь.

Линь Лан сжал простыни, прикусив губу, чтобы скрыть боль. Несмотря на все, он чувствовал странное удовлетворение, он наконец-то отплатил Фэн Хао.

Это был не просто секс, это было подчинение. Преданность, врезавшаяся в плоть и дух. Его взгляд устремился вверх, мимо Фэн Хао, к чему-то далекому, к чему-то святому.

Внезапно на площадке раздался пронзительный крик.

— Что произошло?!

Ассистент указал вверх.

— На потолке мышь!

Чтобы подчеркнуть драматизм происходящего, мышь в самый подходящий момент пискнула.

— Нам нужно переснимать эту последнюю часть? — осторожно спросил Линь Лан.

— Да, для непрерывности, — сказал режиссер, выглядя разочарованным.

Линь Лан сердито уставился на мышь. Ассистент задрожал от убийственного взгляда в его глазах.

Затем раздался еще один щелчок: освещение отклонилось на пять градусов. Затем еще один: чьи-то волосы были неправильно уложены. И еще один: краб на съемочной площадке, в помещении.

Линь Лан взорвался.

— Кто пустил краба сюда?!

— Р-речной краб, — заикаясь сказал оператор.

— Речной краб?! Это что, рынок морепродуктов?!

Воцарилось молчание. Потом кто-то фыркнул. Потом еще один. И вся команда разразилась смехом.

— Киноимператор-Айсберг умеет устраивать истерики!

— Он словно превратился в вулкан!

— Я думал, у него только одно выражение лица за кадром. Оказывается, у него есть еще несколько!

Линь Лан вздохнул. Пораженный абсурдностью.

Фэн Хао накинул на него свою одежду.

— Учитель Линь на самом деле очень добрый человек в личной жизни, — дипломатично заметил он.

Линь Лан невозмутимо бросил:

— Пропустите эту сцену.

— Я режиссер, я возражаю!

— Ты сценарист. У тебя нет полномочий.

Настоящий режиссер давно исчез.

В конце концов, поддавшись уговорам и усталости, они согласились пропустить сцену.

Во время следующей сцены Линь Лан погрузился в мирный сон рядом с Фэн Хао.

Пока на него не навалилась холодная тяжесть.

Он открыл глаза. Пистолет был направлен ему в висок. Фэн Хао, с ледяным взглядом, сидел на нем верхом.

— Почему ты в моей постели? — спросил он.

Линь Лан не мог ответить. Фэн Хао прищурился, затем его рука исчезла под одеялом. До него дошло.

Он медленно отступил назад. Сердце Линь Лана колотилось, он прошептал:

— Хао-гэ...

Дуло прижалось сильнее.

— Кто тебе сказал так меня называть?

— Мастер Фэн! — быстро поправился он. Только тогда лицо Фэн Хао расслабилось.

Он набросил одежду и вышел из комнаты, резко сказав:

— Знай свое место.

Дверь захлопнулась.

Смена кадра — крупный план лица Линь Лана, разрывающегося между страхом, недоумением и сердечной болью.

Он закончил свои сцены, за исключением одной, сцены в ванной.

Фэн Хао стоял один под холодным душем, не шевелясь. Пар не поднимался, лилась ледяная вода.

Вода текла по его лицу, словно слезы, которые он никогда не сможет пролить.

Он прислонился к стене. Его кадык дрогнул. Затем он ударил кулаком по кафелю.

— Снято.

Линь Лан инстинктивно двинулся, но остановил себя.

Ассистент бросился, чтобы завернуть Фэн Хао в полотенце. Его губы были синими.

Линь Лан заметил едва заметное пятно крови на стене.

Позже, наедине, Линь Лан взял медицинский набор у своей помощницы и запер за собой дверь.

Он аккуратно обработал руку Фэн Хао.

— У тебя хорошо получается, — заметил Фэн Хао.

— Когда у меня не было помощника, никто не осмеливался подойти близко. Мне приходилось лечить себя.

Три сустава были ушиблены. Линь Лан работал молча и скрупулезно.

Закончив, он встал. Фэн Хао смотрел на него сверху вниз, его лицо было непроницаемо из-за верхнего света.

Линь Лан поднял глаза, затем медленно и благоговейно поднес руку Фэн Хао к губам и поцеловал ее.

<http://bllate.org/book/13924/1226848>